

„детали“ уничтожили все величіе, grandeur Наполеона, надъ которымъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ такъ ѣдко смѣется. Толстому, въ противоположность В. Гюго, не нуженъ былъ Наполеонъ III для того, чтобы говорить о „Наполеонѣ маленькомъ“.

Толстой не признаетъ Бонапарта великимъ человѣкомъ съ двухъ основныхъ точекъ зрѣнія—теоретической и моральной.

Для того, чтобы выяснитъ первую точку зрѣнія, намъ по необходимости придется нѣсколько остановиться на томъ, какъ Толстой конкретизируетъ свою философію исторіи въ области теоріи войны. Толстой не признаетъ воонной науки, хотя бы уже потому, что она—какъ и исторія—ставитъ объектомъ своего изслѣдованія движенія человѣческихъ массъ. Руководить тысячами людей не въ силахъ одного человѣка, какъ въ исторіи вообще такъ и въ стратегіи въ частности, дисциплинировать войско можно только тогда и до тѣхъ поръ, пока еще онъ оне попало „въ огонь“: т.-е. до тѣхъ поръ, покуда дисциплина означаетъ только господство ритма въ жизни всѣхъ солдатъ, пока тысячи людей находятся въ состояніи „вооруженнаго безразличія“ и съ охотой подчиняются начальникамъ въ виду громаднаго удобства этой спокойной, усыпляющей размѣренной жизни¹⁾. Но войско, попавшее подъ огонь—это разгулявшаяся стихія, которую отводить въ то или иное русло бессмысленно. Самое разумное не мѣшать битвѣ,—такъ и поступаютъ у Толстого наиболѣе выдающіеся по его мнѣнію, полководцы. „Князь Андрей—пишетъ Толстой про Шенграбенское дѣло:—тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ приказаніямъ, и къ удивленію замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что кн. Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось хотя не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями“²⁾. И несмотря на такое мнимое руководство „присутствіе его (Багратіона. М. Л.) сдѣлало чрезвычайно много“.

Сражающееся войско—стихія, и, какъ стихія, проявленія его слѣпы; малѣйшая внѣшняя причина можетъ все измѣнить. Про Шенграбенъ мы читаемъ: „одинъ солдатъ въ испугѣ проговорилъ страшное на войнѣ и бессмысленное слово „отрѣзали!“ и слово вмѣстѣ съ чувствомъ страха сообщилось всей массѣ“³⁾. То же

1) Стоитъ только припомнить, какъ Николай Ростовъ стремился возвратиться къ военной жизни, въ которой бездѣлье (безъиниціативность) обязательно и даже освящено долгомъ.

2) „Война и Миръ“ Т. I стр. 264.

3) Ibid. Т. I стр. 275.